

Колдовская сила

ДЖЕННИФЕР АЛБИН

ТКАЧИ
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Cое)-44
А45

GENNIFER ALBIN
CREWEL

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Foundry Literary + Media и Andrew Nurnberg

Оформление обложки Екатерины Климовой

Албин, Дженнифер.

А45 Ткачи времени / Дж. Албин ; пер. с англ. Ю. Васильевой. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 416 с. — (Колдовская сила)

ISBN 978-5-17-080270-8

У шестнадцатилетней Аделис Льюис есть секрет: она хочет быть неудачницей. Ведь тогда ее не заберут в Гильдию. Тех, кто обладает редкой способностью ткать время, ждут там особые привилегии — они навсегда останутся прекрасными и смогут менять ткань реальности. Но ради этого избранные должны отказаться от всего, что им дорого. Аделис использовала свой тайный дар и соткала немного времени для себя. Теперь у нее есть час, о котором никто не знает. Много это или мало? Всего за час ей предстоит прожить целую жизнь. И узнать, насколько крепко сшиты прошлое и будущее.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Cое)-44

ISBN 978-5-17-080270-8

Copyright © 2012 by Gennifer Albin
© Ю. Васильева, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Посвящается Робину,
который потребовал, чтобы я написала книгу,
и Джошу, который помог моему замыслу
воплотиться в жизнь.*

ПРОЛОГ

Они приходили ночью. Когда-то семьи давали им отпор и на помощь каждой такой семье поднимались все соседи. Но теперь мир восстановлен, ткацкие станки налажены и девушки мечтают о том, чтобы быть избранными. Они по-прежнему приходят ночью, но лишь для того, чтобы было меньше хлопот с толпой, из которой тянутся к ним жадные руки. Одно мимолетное прикосновение к Пряхе — уже благословение. Так они говорят всем.

Никто не знает, почему у некоторых девушек появляется этот дар. Конечно, существует множество теорий. Это может передаваться на генном уровне. Или девушки, сознание которых открыто миру, способны временами улавливать тонкое течение жизни. А может, дар дается лишь тем, чье сердце абсолютно чисто и невинно. Но я знаю то, о чем остальные даже не догадываются. Это проклятие.

С того момента, как родители узнали о моем призвании, мы начали тренироваться по ночам. Они учили меня быть неуклюжей, и я часами упражнялась для того, чтобы в нужный момент правдоподобно уронить чашку или опрокинуть

кувшин с водой. Затем родители начали учить меня путать нити так, чтобы в моих руках они превращались в абсолютно непригодное к работе месиво. Это оказалось сложнее, чем ронять и опрокидывать разные предметы. Мои пальцы могли ткать плавные узоры из любого материала. К моему шестнадцатилетию, когда пришло время проходить тест, остальные девочки были уверены, что меня отошлют домой первой.

Неумеха.

Деревенщина.

Простофиля.

Возможно, во всем оказались виноваты их насмешки, вонзавшиеся мне в спину, подобно кинжалам. А может, все это был первый, замаскированный этап тестирования. В любом случае я изменила свое решение. Сегодня последний день экзаменовки, и я практически одна из них: мои пальцы грациозно сплетают нити уходящего времени.

Сегодня ночью они придут за мной.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С о дня на день осень готовилась вступить в свои права и окрасить листья в рыжий и ярко-алый, однако сейчас, в ярком полуденном свете, они переливались изумрудной зеленью. Солнце согрело мое лицо, и все казалось возможным. Но скоро лучи его должны были потерять свое тепло — лето заканчивалось, жизнь неумолимо двигалась по заданному кругу. Как бездушная машина. Как я.

Я стояла прямо у входа в академию, где училась моя сестра, и единственная ждала окончания занятий. Когда я только вступила на первый круг тестирования, Ами подняла свой розовый палец и заставила меня поклясться, что я буду по-прежнему встречать ее каждый день, несмотря ни на что. Это было непростое обещание, учитывая, что меня могли призвать и доставить к башням Ковентри в любой момент. И все же я исполнила его и продолжала встречать сестру каждый день. Каждой девочке в жизни нужен неизменный ориентир. Пускай это всего лишь кусочек шоколада в конце каждого месяца, пускай лишь окончание занятий. Я мечтала только о том, чтобы моя маленькая сестренка жила полной жизнью, хоть летняя жара и должна была скоро закончиться.

Прозвенел звонок, и девочки стайкой высыпали на улицу. Повсюду замелькала клетчатая форма, в тишине раздался переливчатый смех. У Ами всегда было гораздо больше друзей, чем у меня, и вот теперь она бежала вперед, окруженная стайкой девочек-подростков. Я помахала ей, и она тут же бросилась ко мне, схватила меня за руку и потянула в сторону дома.

— Ты сдала? — с придыханием спросила она, выскочив вперед.

Я на мгновение заколебалась. Если и был кто-то, кто был бы рад происшедшему, так это Ами. Если бы я сказала ей правду, она бы завизжала и яростно захлопала в ладоши. А потом бросилась бы мне на шею, и на миг ее радость стала бы моей радостью, заставив меня поверить в то, что все теперь будет хорошо.

— Нет, — солгала я, и лицо Ами погрустнело.

— И хорошо, — рассудительно кивнув, произнесла она. — Так ты сможешь по крайней мере остаться в Ромене. Со мной.

Гораздо легче было притвориться, что сестра права, и не думать ни о чем, прислушиваясь иногда к ее щебетанию, чем показать, что происходило на самом деле. Впереди меня ждала целая жизнь в качестве Пряхи и только одна ночь, чтобы побыть просто ее сестрой. Я не переставала вовремя охать и ахать, так что Ами казалось, будто я ее слушаю. На миг я представила, как сестренка становится взрослой и уверенной в себе. Кто знает, может, когда я уйду, ей не придется тратить кучу времени на поиски своего места в жизни.

Школьные занятия Ами заканчивались в то же время, что и обыкновенная рабочая смена, так что мама уже ждала нас дома. Она сидела на кух-

не, опустив голову, однако, как только мы вошли, тут же подняла глаза и внимательно посмотрела на меня. Сделав глубокий вдох, я медленно покачала головой, и мама с облегчением выдохнула. Она порывисто обняла меня, и я не поторопилась высвободиться из ее объятий, нежась в облаке любви. Именно поэтому я и не сказала им правду. Больше всего на свете мне сейчас нужна была их любовь — не восхищение, не огорчение, только любовь, которая делала меня частью семьи.

Мама отстранилась и заботливо поправила упавшую мне на лицо прядь волос. Она не улыбалась. Да, я якобы провалила тест, однако, несмотря на это, мама понимала, что наше с ней время истекло. Даже если мне не пришлось бы уходить из дома, я все же должна была вскоре получить профессию, а потом и выйти замуж. Зачем же было говорить ей, что она потеряет меня сегодня ночью? Сейчас важно было лишь то, что происходило в этот момент.

Обыкновенный ужин за обыкновенным столом. Не было ничего особенного, кроме маминого фирменного блюда — жареной свинины. В коридоре тикали дедушкины часы, цикады за окном исполняли летнее крещендо, в отдалении шумела дорога, догорающий закат медленно перетекал в сумерки. Этот день ничем не отличался от сотни точно таких же, но сегодня мне уже не суждено было выскользнуть из своей кровати и прокрасться на цыпочках в родительскую спальню. Окончание тестирования — это еще и конец многих лет обучения.

Мы с родителями жили в ветхой хижине за пределами большого города. В свое время им предоставили право на рождение двоих детей

и выделили соответствующее жилье. Мама рассказывала, что они подавали прошение еще на одного ребенка. Мне тогда было восемь, и родители еще не знали о моем предназначении, однако им отказали. Цена за свободное развитие каждой личности — жесткий контроль Гильдии над рождаемостью. Мама поведала об этом однажды утром перед уходом на работу. По ходу рассказа она поправляла тщательно завитые локоны; голос ее был начисто лишен каких-либо эмоций. Я просила ее о братике. Мама подождала, пока я дорасту до того, чтобы понять, а затем объяснила, что это было абсолютно невозможно из-за сегрегации. Только вот я все равно обиделась. Рассеянно гоняя еду по тарелке, я вдруг поняла, насколько все было бы проще, родись я мальчиком или родись мальчиком моя сестра. Держу пари, родители тоже хотели сыновей. Тогда им не пришлось бы переживать из-за нашего ухода.

— Аделиса, — мягко сказала мама, — ты ничего не ешь. Экзамены закончились. Я думала, у тебя наконец появится аппетит.

Маме очень хорошо удавалось выглядеть невозмутимой, но порой я начинала задумываться, не был ли толстый слой косметики на ее лице своеобразной уловкой. Возможно, эти нарумяненные щеки и на помаженные губы были ее личным способом держать марку. Ей ничего не стоило выглядеть вот так. Безукоризненно уложенные алые волосы, безупречный костюм секретаря. Она была воплощением всего того, что люди хотят видеть в женщине: красивая, ухоженная, покорная. До одиннадцати лет, когда они с отцом начали тренировать меня быть неуклюжей, я и не знала, что она может быть совершенно другой.

— Я в порядке.

Мой ответ получился невыразительным и неубедительным, и мне вдруг тоже захотелось иметь на лице слой макияжа, чтобы спрятаться под ним. Но до окончания тестирования девочки должны были выглядеть чистыми и невинными — как во внешности, так и в поведении. Общественная мораль гласила, что девочки со способностями к ткацкому ремеслу не имели права потерять их в мирской суете. Некоторые из моих одноклассниц были такими же нежными и утонченными, как моя мама. Я же была чересчур бледна. Кожа моя смотрелась тускло в обрамлении рыжеватых волос. Ах, если бы они были такими же ярко-алыми, как у мамы, или золотистыми, как у Ами! Но нет, мои волосы были тусклее засаленного пенни.

— Мама приготовила сегодня праздничный ужин, — заметил отец.

Голос его звучал мягко, однако я поняла: он хотел сказать, что я зря переводила еду. Я посмотрела на картошку с двумя пересушенными кусочками мяса и почувствовала себя виноватой. У меня на тарелке лежал, должно быть, двухдневный рацион, а впереди нас еще ждал торт!

Торт принесли из пекарни. Он был огромным, залитым глазурью. Мама уже пекла нам небольшие тортики на дни рождения, однако они и в подметки не годились этому сказочному чуду с сахарными цветами и кружевными узорами. Я знала, что стоил он, как половина нашего недельного рациона. Его наверняка собирались доедать на завтрак еще много дней до следующей зарплаты. При виде тонкого белого узора на торте мой желудок жалобно заурчал. Я не привыкла есть сладкое и к

тому же совсем не была голодна. Я едва сумела прожевать пару маленьких кусочков пережаренного мяса.

— Вот такой торт я хочу на день рождения, — выдохнула Ами. Она никогда прежде не видела ничего подобного. Когда Ами пришла сегодня домой из академии, мама пообещала, что купит ей похожий торт на день рождения. Для девочки, которая всю жизнь ходила в обносках, это стало бы небывалой роскошью, однако мама, видимо, хотела немного подсластить ее тяжелые ученические будни.

— Он будет поменьше, — сказала мама, — и ты не получишь ни кусочка, пока не съешь свой ужин.

Я не смогла удержаться от улыбки, заметив, как Ами принялась судорожно поглощать содержимое своей тарелки. Она запихнула в рот столько еды, что ей с трудом удалось все проглотить. Мама называла ее «едоком». Я бы хотела есть с таким же аппетитом, когда меня охватывало восхищение, или напряжение, или грусть, но у меня все было по-другому: нервы напрочь отбивали у меня желание есть, а одна мысль о том, что это был мой последний ужин с семьей, заставляла мой желудок сжиматься в комок.

— Ты купила его для Аделисы? — с набитым ртом спросила Ами.

— Закрой рот и ешь спокойно, — ответил отец, слегка улыбнувшись.

— Да, Аделиса заслужила сегодня кое-что особенное. — Голос мамы звучал абсолютно спокойно, однако лицо ее сияло, а на губах играла легкая улыбка. — Думаю, мы должны отпраздновать.

— Сестра Марфы Кроссикс на прошлой неделе провалила тестирование и до сих пор не выходит

из комнаты, — заявила Ами, проглотив очередной кусок мяса. — Марфа сказала, что все вели себя так, будто кто-то умер. Ходили такие грустные. Ее родители даже выбили разрешение на свидания, чтобы хоть как-то ее взбодрить. Теперь у нее назначены встречи чуть ли не со всеми свободными парнями в Ромене.

Ами захохотала, однако остальные промолчали. Я изучала узор на торте, пытаюсь определить, в какой технике работал пекарь. Ами совершенно не замечала отрицательного отношения родителей к одобренному Гильдией плану обучения и брачным законам. С другой стороны, они еще ни разу не говорили с ней начистоту. Я была уже достаточно взрослой и понимала, почему они не хотели, чтобы я становилась Пряхой, хотя они всегда были крайне осторожны в выражениях при разговорах со мной.

Папа откашлялся и посмотрел на маму в поисках поддержки.

— Некоторые девочки и вправду сильно хотят попасть в Ковентри. Сестра Марфы, должно быть, очень разочарована.

— Я тоже хочу, — весело щебетала Ами, отправляя в рот целую горку картошки. — Нам показывали картинки в академии. Пряхи такие красивые, и у них есть все, чего только душа пожелает.

— Догадываюсь, — протянула мама, точными движениями разрезая мясо на маленькие кусочки.

— Не могу дождаться тестирования. — Ами мечтательно вздохнула, и мама нахмурилась, но сестренка была слишком возбуждена, чтобы это заметить.

— Эти девушки обладают массой привилегий, но, если бы Аделису призвали, мы бы больше